

Андрей Иванович Мацына
кандидат философских наук,
Челябинский государственный университет
(Челябинск, Россия), e-mail: matsyna@inbox.ru

Классификация концепций метафизики смерти

В статье освещаются результаты классификации танатологических концепций, предпринятой с целью выявления их эвристического потенциала в осмыслении феномена древней погребальной обрядности, соотносящегося с иррациональными представлениями о бессмертии.

В рамках классификации выделено несколько направлений метафизики смерти, различающихся онтогносеологическими особенностями. Научно-оптимистическая иммортология выводит явление смерти из области бытия. Она отрицает наличие «невидимого» посмертного бытия. Естественно-научная танатология даёт осмысление смерти в рамках её материалистической трактовки. Религиозно-пессимистическая танатология характеризует смерть при помощи экзистенциальных категорий «страха» и «трепета» перед приближающимся абсолютным ничто. Указанные концепции неприменимы к осмыслению смерти в её архаическом представлении.

Феноменологический и психоаналитический варианты танатологии реализуют комплексное, системное исследование смерти в ракурсе углублённого понимания социально-культурной, психологической и духовной реальности прошлых эпох.

Религиозно-идеалистическая танатология включает феномен смерти в число существенных характеристик человека, коренным образом меняя его онтологию. Мистериальный опыт восприятия смерти сближает позиции религиозно-идеалистической и религиозно-эзотерической танатологии. Религиозно-эзотерическая танатология основывается на представлениях о человеке как манифестации Абсолюта и рассматривает феномен смерти в наиболее широком традиционно-культурном диапазоне. Изначальная несовместимость с научными учениями характеризует активно-эволюционную иммортологию и эволюционно-спиритуалистическую танатологию как онтологически несбалансированные попытки реализации интегративного подхода к проблеме смерти. В классификации различимы рационалистическая и нерационалистическая трактовки феномена смерти. Рационалистическая трактовка минимизирует исследовательские возможности и саму проблему жизни-смерти-бессмертия. Эвристически потенциальной для осмысления древней погребальной обрядности представляется нерационалистическая линия, позволившая сформировать интегральную модель архаического восприятия смерти.

Ключевые слова: древняя погребальная обрядность, метафизика смерти, религиозно-эзотерическая танатология.

Andrey Ivanivich Matsyna
Candidate of Philosophy, Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia), e-mail: matsyna@inbox.ru

Classification of the Death Metaphysics Concepts

Studies of ancient funerary rituals lead to the philosophical problem of the opposition of Life and Death. Ancient cultural forms that remove this opposition are based on the specifically irrational and correlate with irrational ideas about the soul and its destination after death. The modern rational mind eliminates these forms. Therefore, there is a need for classification of the thanatological concepts involving the triune problem of life-death-immortality.

The classification is made with emphasis on the death metaphysics aspect. Several different concepts of death metaphysics are distinguished. Scientific-optimistic and active-evolutionary immortality, natural-scientific, religious-pessimistic and evolutionary-spiritualist thanatology are not applicable to the understanding of death in its archaic perception.

Phenomenological and psychoanalytic thanatology implements a systematic study of death from the perspective of an in-depth understanding of the socio-cultural, psychological and spiritual reality of the past eras.

Religious-idealistic and religious-esoteric thanatology examines the phenomenon of death in the broadest of its traditional and cultural range. Both options of thanatology implement a holistic approach to the problem of death. In the classification we can distinguish rationalistic and irrationalistic interpretations of the death phenomenon, of which the irrationalistic one is heuristically the most potential for our study. Based on these concepts, the dynamic model of the archaic perception of death was formed.

Keywords: ancient funerary rituals, metaphysics of death, religious-esoteric thanatology.

Постижение религиозно-мифологической сути древней погребальной обрядности тяготеет к выходу за границы вещеведческих (археологических, этнографических) подходов и построению теоретической основы осмысления, руководствуясь философским подходом. Древняя погребальная обрядность является объективацией иррационального религиозно-мифологического опыта снятия оппозиции Жизни и Смерти, основанного на специфически нерассудочных способах трансцендирования жизни, устраняемых современным рациональным сознанием. Трансцендирование мы определяем как некий акт выхода за границы чувственной реальности. Нерассудочность древних способов трансцендирования реальности заключается в том, что они соотносятся с иррациональными представлениями о душе и направлениях её движения в состоянии посмертия (М. Ф. Косарев). Вполне оправдан вопрос: какая концептуальная основа даёт возможность построения модели архаически-иррационального восприятия смерти? С этих позиций востребована классификация эвристичности (исследовательской и прогностической эффективности) танатологических концепций в решении триединой проблемы «жизни-смерти-бессмертия» (И. В. Вишев) в аспекте метафизики смерти как представлений о бессмертии (В. Ш. Сабилов).

Концепции метафизики смерти классифицированы в частноэсхатологическом ракурсе, переносящем решение проблемы в сферу представлений о посмертии конкретного индивида (в отличие от эсхатологии как учения о конце мира). Это позволяет выявить в составе концепций наличие и онтогносеологическую специфику метафизики смерти как учения о непроявленном посмертном бытии вещи. Термин «метафизика» применяется нами в смысле концепции, соотносящейся с определённым способом трансцендирования жизни. Вследствие этого данное понятие применимо и к научно-философским концепциям, и к концепциям донаучного, некритического, догматического либо философского склада. Мы разбили весь комплекс метафизических концепций смерти на несколько видов.

Иммутологические учения стремятся к выводу смерти из области бытия, полностью устраняя традиционно-архаические формы её метафизики. Этим отличается активно-эволюционная и научно-оптимистическая иммуто-

логия. *Активно-эволюционный иммортализм* (концепции «философии общего дела» Н. Фёдорова, русских анархистов-биокосмистов А. Агиенко, А. Ярославского, П. Иваницкого) обозначает направления активного достижения личного, практического бессмертия. Философия «общего дела» как концептуальный исток сближает эти концепции с учениями В. Соловьёва, Н. А. Бердяева, Н. Богданова, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, П. Т. де Шардена, Шри Ауробиндо Гхош. Идея уничтожения смерти как зла базируется на осмыслении эволюционного закона восхождения духа в лоно материи, влекущего природу человека в новое онтологическое качество. Достоинство активно-эволюционного иммортализма в том, что человек рассматривается как целостный объект космопланетарного масштаба. Однако рассмотрение частно эсхатологических представлений не укладывается в рамки данных концепций.

Научно-оптимистическая иммутология (И. В. Вишев, М. В. Соловьёв, Л. Е. Балашов и др.) рационалистически относится к смерти как концу личностного бытия, с наступлением которого для существа «всё завершается». Альтернативное религиозно-идеалистическим надеждам на трансцендентное индивидуальное посмертное бытие [7, с. 18], это направление впервые вводит в философскую практику понятие «человек бессмертный» и определяет проблему «жизни-смерти-бессмертия» как триединую. В этом триединстве с акцентом на последней составляющей, по мнению иммутологов, она получает подлинную завершённость и оптимистичность рассмотрения [7, с. 26–27]. Рационалистическое русло научно-оптимистической иммутологии исключает из рассмотрения частноэсхатологическую проблематику: отклоняется идея «непроявленного существования», обсуждение проблем метафизики смерти, «послесмертия», бессмертия духа, связанных с категорией абсолютного бессмертия.

Проблемы архаически-нерассудочных форм постижения целостности и неделимости Вселенной не только не попадают под рассмотрение иммутологии, но и оцениваются ими как форма «мнимого воскрешения» и «самый страшный враг» бессмертия [28, с. 166].

Понятие «танатос», играющее существенную роль в психоаналитических концепциях (В. Штекель, З. Фрейд, С. Шпильрейн), выражает символическое отражение стремле-

ния к смерти в сновидениях, фантазиях и любых проявлениях тревожности как результат подавления жизненного инстинкта. В отличие от иммортализма, танатологи не стремятся к выводу феномена смерти за рамки бытия. В понятие смерти как конца жизни нередко вкладывается смысл отрицания жизни как высшей ценности, а значение философской танатологии часто усматривается в том, чтобы помочь человеку обрести достоинство перед лицом смерти. *Естественно-научные танатологические подходы* к проблемам умирания и смерти, сопряжённые с учением И. П. Бахметьева об анабиозе, как грани между жизнью и смертью, отвергают метафизику смерти в силу традиционной научно-материалистической трактовки явления смерти. *Религиозно-пессимистическую танатологию* формируют концепции, связанные с протестантской традицией (М. Лютер, Ж. Кальвин, Ф. Шлейермахер, С. Кьеркегор, Д. Бонхёффер, В. Панненберг). Рассудочный подход протестантизма исключает проблему посмертия из сферы научного познания [10, с. 49–50], отвергает и традиционно-средневековое субстанциальное представление о душе, и метафизические дискуссии по поводу её онтологии и природы. Реализуется прежде всего практическая проблема личного спасения путём веры и напряжённого вслушивания в глубины своего «я». В целом, религиозно-пессимистическая танатология является трансценденцией социально-изменной человеческой экзистенции в пространство «страха и трепета» приближающегося Ничто абсолютной смерти.

Вышеназванные концепции объединяются общим отсутствием понятийного аппарата и целевой установки для изучения древних частноэсхатологических представлений. Но не исключают общей танатологической возможности системного осмысления архаических аспектов метафизики смерти. *Феноменологическая танатология* (реалистический подход к проблеме бессмертия И. Т. Фролова, танатология С. Рязанцева, панорамное исследование феномена смерти А. П. Лаврина, феноменологические исследования Д. Б. Демидова) выступает основным оппонентом научно-оптимистической иммортологии в решении частноэсхатологической проблемы средствами диалектико-материалистического подхода. Феноменологическая танатология трактует смерть как феномен, равноценный жизни, предпринимая её комплексное, системное исследование. При

этом исследования выходят за естественно-научные и медицинские рамки, считая необходимым изучать установки людей в их отношении к смерти, вопросы восприятия смерти, связей между живыми и мёртвыми, углубляя понимание духовной реальности минувших эпох [25]. Реалистический подход И. Т. Фролова принимает проблему смерти как органическую часть жизни личности, отвергая непродуктивное стремление квалифицировать инаковые пути интерпретации смерти как безудержную фантазию. Обоснованным видится стремление исследователей этого направления к междисциплинарному панорамному [18] исследованию феномена смерти. Танатологи данного склада вплотную притягивают концепции, выросшие на материале западных направлений танатологии и «психологии глубин».

Психоаналитическая танатология

(В. Штекель, З. Фрейд, С. Шпильрейн, К. Г. Юнг, К. Кереньи, Ф. Мерелл-Вольф, Р. Моуди, П. Калиновский, А. Форд, Э. Кюблер-Росс, С. и К. Гроф, Д. Хэлифакс и др.) обобщает исследования клинической смерти и сопровождающих ее изменённых состояний сознания. Этот класс концепций апеллирует к бессознательному как совокупности психических процессов, операций и состояний, не представленных явным образом в сознании субъекта. Считается, что изменённые состояния сознания воспроизводят глубинный архаический пласт последнего, а деятельность бессознательного активизируется в состоянии сна [30]. С активизацией бессознательного связывается (это представляется неясным) возможность изучения основной природы обычной смерти [21]. Из изучения состояния клинической смерти делается вывод о личном посмертном существовании, о возможности введения человеческой психики в регрессивные состояния, подтверждающие теорию реинкарнации [22]. Онто-гносеологически сходные концепции Р. Моуди и П. Калиновского подвергнуты критике представителями как философско-научных [1; 7], так и религиозно-философских кругов [5; 24]. Суть этой критики можно свести к утверждению об онтологическом несоответствии формы и содержания данных концепций, когда речь идёт не о попытке изменения структуры религиозной веры, а об отказе «от одной веры в пользу другой» [7, с. 123] – идеологии реинкарнации. Не вполне согласуются результаты регрессивной терапии Р. Моуди и с психоделическими

исследованиями (С. и К. Гроф., Д. Хэлифакс, Э. Кюблер-Росс и др.). В ходе сеансов психоделической терапии не находит подтверждения тезис о реинкарнационной окраске переживаний пациентов [8; 9].

Однако, и регрессивный метод, и психоделическая терапия, и исследования коллективного бессознательного (К. Г. Юнг) вскрывают фундаментальные закономерности функционирования человеческой психики. Они соотносятся с результатами «визионерского» (прямое вхождение в культурно-этнографический контекст) направления западной антропологии (К. Кастанеда, Ф. Доннер, Т. Абеляр и др.). Глубоко проникая в психологию смерти, психоаналитическая танатология ориентирует на постижение частной эсхатологии в ракурсе эзотерического и мистического опыта.

Религиозно-идеалистическая танатология включает феномен смерти в число сущностных характеристик человека (И. Брянчанинов, К. Х. Клемен, П. Флоренский, С. Роуз, А. Кураев, П. Неллас и др.), коренным образом меняя онтологию человеческого существа. Естественная смерть мыслится как разрыв в искажённом, «замутнённом» человеческой жизнью облике бытия [23, с. 110–111]. Трансцендентно утверждённое состояние смерти предназначено к снятию «неистинности» бытия путём праведного выживания в смерти – для нового обретения полноты бытия (*метафизика перехода*).

Иное понимание смерти в рамках этого направления даёт концепция инаковости смерти в сравнении с жизнью [15], когда смерть может трактоваться как начало отличного от жизни бытия (*метафизика двоичности бытия*). В метафизике двоичности бытия смерть есть следствие невидимых (на уровне феноменологии жизни) и лишь теоретически выстраиваемых сил. Моделью служит религиозно-мифологическая область трансцендентного знания о смерти. Данная исследовательская установка ориентирована на обобщённое исследование религиозно-метафизической области знания.

Религиозно-идеалистическая танатология фиксирует онто-гносеологическое различие трансцендентального и трансцендентного осмысления смерти. Принципиально разделяя опыт реальной и клинической смерти, религиозная метафизика оценивает «посмертие» спиритистской и психоаналитической танатологии как опыт тонко-телесного, душевного состояния субъекта в чувственно неосязаемой

трансцендентальной области нашего пространственно-временного континуума [6; 24; 26]. В целом религиозно-идеалистическая танатология гносеологически дуалистична и соотносит посмертие с духовно-изолированной сферой абсолютного (*метафизика инобытия*). В этом отношении крайне интересен религиозно-философский взгляд на мистериальный [27, с. 143–145; 17] опыт смерти, сближающий её с эзотерической танатологией.

Эволюционно-спиритуалистическая танатология пытается снять противоречие между научно-рационалистическим понятием смерти как естественного конца существования белкового тела и религиозно-идеалистическими учениями, включающими в свой состав учения о душе на путях прогрессизма (эволюционизма) и спиритуализма (трансцендентализма). Основываясь на ранней мистической волне (Э. Леви, Э. Сведенборгом), это движение мысли в XIX – н. XX вв. приводит к формированию течений неоспиритуализма (А. Кардек, Л. Дени), восточного, теософского (Е. Блаватская, А. Безант, Е. Рерих [4], В. Клизовский и др.) и западного, оккультного, (Р. Штайнер, М. Гурджиев, Д. Форчун и др.) направлений.

Онтологической особенностью спиритизма является стремление редуцировать понятие духовности к трансцендентальной области – уровню сверхчувственной материальности. При этом понятие трансцендентности профанируется, последовательно упрощая весь комплекс сущностных связей и характеристик области абсолютного. Это сводит на нет аутентичный смысл донаучной метафизики смерти, а решение частноэсхатологической проблематики приобретает вид иммортализма ноосферного типа. Этот онтологический перекося современных теософско-оккультных концепций отражается в подмене принципа синтеза науки, философии и религии (Е. П. Блаватская) на реализацию необоснованной синкретики и профанации донаучных форм метафизики смерти. Этот синкретизм показательно присутствует в идеологии реинкарнизма, который, как онтологически несбалансированную эволюционно-спиритуалистскую модель метафизики смерти следует отделять от традиционной модели реинкарнации.

Тезис о реинкарнации, трансмутации и пермутации (перевоплощения душ) является основополагающим для теософского и антропософского учений, согласно которым все

люди – «искры» одного источника жизни и не единожды в него возвращаются. Комплекс подобных архаических представлений о смерти философски осмысливается широким спектром танатологических концепций. Это и теософия (Е. П. Блаватская, А. Безант, Е. Рерих и др.), и антропософия (Р. Штайнер и др.), и интегральный традиционализм (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и др.), и теология (П. Флоренский, К. Клемен, А. Кураев и др.), и психоаналитика (К. Г. Юнг и постюнгианцы), и современные религиозно-эзотерические концепции (Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин и др.). Но психология реинкарнизма не является определяющей для всего их состава и требует отдельного анализа, выходящего за рамки настоящего исследования.

Религиозно-эзотерическая танатология представлена концепциями исследователей и сторонников эзотеризма (Р. Генон, М. Гендель, Г. О. Мёбес, Ю. Эвола, М. Элиаде, Ю. Мисима, К. Кастанеда, Д. Бейнс, Д. Мелхиседек, Ю. Мамлеев, А. Дугин, М. Лайтман и др.). Данный подход реанимирует холистски-целостное отношение к проблеме смерти. Исследователи отмечают изменение современных научных установок, которые, в отличие от классических, не абсолютизируют смерть тела, поскольку оно не изолировано, а связано с вселенной [2, с. 234]. Смерть оценивается как рождение в области, отличной от физической [3], мгновение в потоке сознания при переходе на другой план существования [2, с. 224], ступень к бессмертию через сознание [20].

Религиозно-эзотерический традиционализм (Р. Генон, А. Дугин, Е. Головин, Ю. Мамлеев и др.) основывается на представлениях о человеке как манифестации («проявлении»), в которой смерть является переломной точкой, знаменующей начало возвратного движения проявленного материального тела от материальности к духовным структурам Абсолютного бытия. Увязывание смерти с деманифестацией Абсолюта является основой для разработки концепций вечного возвращения, космического обновления [16, с. 159–184], мистериальности священного года [16, с. 177–208], онтологии смерти как онтологии Воскресения, точки преодоления разрыва годового цикла [11; 12]. Это соотносится с выводами об основополагающем значении новогоднего праздника в индоевропейском [14] и более позднем – скифском [29, с. 187–191] мифе и ритуале.

Базируясь на материалистической трактовке смерти, феноменологические и психоаналитические концепции переносят внимание на её культурологические и психологические измерения. Приближаясь к понятию духовного бессмертия, они не оперируют им, не выявляют его онтологические основания, структуру и роль этого понятия в общей картине культуры, за исключением социально-психологического аспекта. Психоаналитическая танатология создаёт глубокую умозрительную психологию смерти, отставляя в значительной мере без внимания «некритический» материал донаучной метафизики смерти. Это пытается преодолеть «визионерская» антропология, стремление которой к непосредственным контактам с исследуемым объектом так же усекает эвристику исследований. Причиной этого является тезис об отождествлении душевной и духовной деятельности с работой мозга, с сознанием.

К. Г. Юнг принимал расширенный тезис о коллективном бессознательном, связывая его с «потусторонним» душевным миром, постулируя «бездонность» исследуемых процессов, расширяя границы теоретического исследования донаучной метафизики смерти. Интегральный традиционализм Р. Генона осуществляет решительный шаг в этом направлении, постулируя наличие идеальной гносеологической цели в виде концепции изначальной традиции (*Traditiae Primordiale*). Это соотносится с концепцией Мономифа [13, с. 3–17], значительно расширяя эвристику и давая возможность создания интегральной модели, включающей и современные, и архаические варианты метафизики смерти.

Установка Р. Генона ориентирует не на оккультизм и синкретизм, а на эзотеризм, интеграцию и синтез. Характерное для интегрального традиционализма представление об эзотерическом ядре духовной традиции обуславливает осторожное отношение к любым неортодоксальным и модным интеллектуальным течениям. Полноценной эзотерической традицией является манифестационистская, архаическая подоплёка в живых религиозно-креационистских духовных традициях – мистические течения каббалы, суфизма, герметизма [12, с. 226]. Это обуславливает специфическое понимание мифологических реалий.

Таким образом, онтологизация смерти религиозно-идеалистической танатологией смещает к осмыслению её как одновременно-

го окончания бытия и начала инобытия вещи (метафизика двоичности бытия); трансцендентно утверждённого состояния достижения полноты бытия (метафизика перехода); следствия выстраиваемых теоретически сил (метафизика инобытия). Наличие (вариантов) метафизики перехода и инобытия сближает религиозно-идеалистическую танатологию с религиозно-эзотерической, исследующей метафизику смерти как переход и инобытие в наиболее широком традиционно-культурном диапазоне. Однако, контекстуально-смысловой конфликт с современностью осложняет философскую ретрансляцию и интеграцию теоретических положений последней. Онтологически несбалансированные попытки снятия этого конфликта активно-эволюционной им-мортологией и эволюционно-спиритуалисти-

ческой танатологией профанизируют аутентичную область донаучной метафизики смерти. В нашей классификации легко различимы *рационалистическая* и *нерационалистическая* трактовки феномена смерти. Рационалистическая трактовка минимизирует исследовательские возможности и саму проблему жизни-смерти-бессмертия. Нерационалистическая постановка проблемы, представленная религиозно-идеалистическим и религиозно-эзотерическим направлениями, оказалась эвристически наиболее потенциальной для нашего исследования. На основе нерационалистических трактовок и их традиционных религиозно-мифологических оснований сформирована *метафизика Преодоления* [19] – интегральная динамическая модель архаического восприятия феномена смерти.

Список литературы

1. Амосов Н. М. В загробную жизнь не верю // Комсомольская правда. 22 марта 2003.
2. АУМ. Синтез мистических учений запада и востока. Т. 1–3. М., 1990. Т. 1. С. 234, 267, 322, 336. Т. 1. С. 234.
3. Бейнс Д. Тайная наука физического и духовного преобразования человека. Дубна, 1994. 192 с.
4. Бернюкевич Т. В. О рецепции буддийских идей в философии России конца XIX – первой половины XX вв. // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 153–163.
5. Борисов С. Б. Символы смерти в русской ментальности // Социс. 1995. № 2. С. 58–63.
6. Брянчанинов И. Слово о смерти. М., 1991. 320 с.
7. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002. 324 с.
8. Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М., 1996. 244 с.
9. Гроф С. Области человеческого бессознательного. М., 1994. 278 с.
10. Демидов Д. Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999. 180 с.
11. Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М., 1999. 752 с.
12. Дугин А. Г. Философия традиции. М., 2002. 624 с.
13. Зубко Г. В. Миф как составная часть общечеловеческого духовного фонда // Вестн. Московского ун-та // Востоковедение. 2001. Сер. 13. № 3. С. 3–17.
14. Кёйпер Ф. Б. Я Труды по ведийской мифологии. М., 1986. 196 с.
15. Клемен К. Жизнь мёртвых в религиях человечества. М., 2002. 224 с.
16. Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. 408 с.
17. Кураев А. Раннее христианство и переселение душ / предисл. В. К. Шохина. М., 1996. 188 с.
18. Лаврин А. П. Хроники Харона. М., 1993. 511 с.
19. Мацына А. И. Смерть как онтологическая категория. (Метафизика смерти): дис. ... канд. филос. наук. Челябинск, 2006. 150 с.
20. Мелхиседек Д. Древняя Тайна Цветка Жизни. Киев, 2000. Т. 1.
21. Мерелл-Вольф Ф. Пути в иные измерения. Киев, 1993. 384 с.
22. Моуди Р. Жизнь до жизни. Жизнь после жизни. Киев, 1994. 352 с.
23. Неллас П. «Кожаные ризы» // Человек. 2000. № 5. С. 99–111; № 6. С. 76–95, 110–111.
24. Роуз С. Душа после смерти. М., 1992. 240 с.
25. Рязанцев С. Танатология – наука о смерти. СПб., 1994. 384 с.
26. Сороковиков А. Победа над последним врагом. М., 2003. 110 с.
27. Тибетская книга мёртвых. М., 1995. 224 с.

28. Фёдоров Н. Ф. Из материалов к третьему тому «Философия общего дела» // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 126–183, 166.
29. Шишло Б. «Народы Севера» Геродота и скифские ритуалы // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб., 2003. С. 187–191.
30. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М., 1996. 317 с.

References

1. Amosov N. M. V zagrobnuju zhizn' ne verju // Komsomol'skaja pravda. 22 marta 2003.
2. AUM. Sintez misticheskikh uchenij zapada i vostoka. T. 1–3. M., 1990. T. 1. S. 234, 267, 322, 336. T. 1. С. 234.
3. Bejns D. Tajnaja nauka fizicheskogo i duhovnogo preobrazovanija cheloveka. Dubna, 1994. 192 s.
4. Bernjukevich T. V. O recepcii buddijskikh v filosofii Rossii konca XIX – pervoj poloviny XX vv. // Voprosy filosofii. 2011. № 4. S. 153–163.
5. Borisov S. B. Simvoly smerti v ruskoj mental'nosti // Socis. 1995. № 2. S. 58–63.
6. Brjanchaninov I. Slovo o smerti. M., 1991. 320 s.
7. Vishev I. V. Na puti k prakticheskomu bessmertiju. M., 2002. 324 s.
8. Grof S., Hjelifaks D. Chelovek pered licom smerti. M., 1996. 244 s.
9. Grof S. Oblasti chelovecheskogo bessoznatel'nogo. M., 1994. 278 s.
10. Demidov D. B. Fenomeny chelovecheskogo bytija. Minsk, 1999. 180 s.
11. Dugin A. G. Absoljutnaja Rodina. M., 1999. 752 s.
12. Dugin A. G. Filosofija tradicii. M., 2002. 624 s.
13. Zubko G. V. Mif kak sostavnaja chast' obshhechelovecheskogo duhovnogo fonda // Vestn. Moskovskogo un-ta // Vostokovedenie. 2001. Ser. 13. № 3. S. 3–17.
14. Kjojper F. B. Ja Trudy po vedijskoj mifologii. M., 1986. 196 s.
15. Klemen K. Zhizn' mjortvyh v religijah chelovechestva. M., 2002. 224 s.
16. Konec Sveta (jeshatologija i tradicija). M., 1997. 408 s.
17. Kuraev A. Rannee hristianstvo i pereselenie dush / predisl. V. K. Shohina. M., 1996. 188 s.
18. Lavrin A. P. Hroniki Harona. M., 1993. 511 s.
19. Macyna A. I. Smert' kak ontologicheskaja kategorija. (Metafizika smerti): dis. ... kand. filos. nauk. Cheljabinsk, 2006. 150 s.
20. Melhisedek D. Drevnjaja Tajna Cvetka Zhizni. Kiev, 2000. T. 1.
21. Merell-Vol'f F. Puti v inye izmerenija. Kiev, 1993. 384 c.
22. Moudi R. Zhizn' do zhizni. Zhizn' posle zhizni. Kiev, 1994. 352 s.
23. Nellas P. «Kozhanye rizy» // Chelovek. 2000. № 5. S. 99–111; № 6. S. 76–95, 110–111.
24. Rouz S. Dusha posle smerti. M., 1992. 240 s.
25. Rjazancev S. Tanatologija – nauka o smerti. SPb., 1994. 384 s.
26. Sorokovikov A. Pobeda nad poslednim vragom. M., 2003. 110 s.
27. Tibetskaja kniga mjortvyh. M., 1995. 224 s.
28. Fjodorov N. F. Iz materialov k tret'emu tomu «Filosofija obshhego dela» // Voprosy filosofii. 1993. № 1. С. 126–183, 166.
29. Shishlo B. «Narody Severa» Gerodota i skifskie ritualy // Stepi Evrazii v drevnosti i Srednevekov'e. SPb., 2003. S. 187–191.
30. Jung K. G. Psihologija bessoznatel'nogo. M., 1996. 317 с.

Статья поступила в редакцию 11 мая 2013 г.